

12. Brinkmann H. Die deutsche Sprache. Questalt und Zeitung. Dьsseldorf, 1971.
13. Москальская О.И. Теоретическая грамматика немецкого языка для институтов и факультетов иностранных языков. М., 1983.
14. Гулыга Е.В. Теория сложноподчиненного предложения в современном немецком языке. М., 1971.
15. Жеребков В.А. Глагол. Пособие по грамматике немецкого языка для институтов и факультетов иностранных языков. М., 1977.
16. Семенюк Н.И. Некоторые вопросы изучения вариантности // Вопр. языкознания. 1965. № 1.
17. Волкова Л.Б. Морфологические средства выражения модальности реальности в современном немецком языке (парадигма реальности): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1978.
18. Ермолаева Л.С. Очерки по сопоставительной грамматике германских языков. М., 1987.
19. Жукова Н.С. Продуктивные и непродуктивные звенья в глагольной парадигме современного немецкого языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1983.
20. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
21. Кураков В.И. Явление синкретизма в морфологии современного немецкого языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 1976.
22. Смирницкий А.И. Лексическое и грамматическое в слове // Вопр. грамматического строя. М., 1955.
23. Адмони В.Г. Синтаксис современного немецкого языка. Л., 1973.
24. Ярцева В.Н. Иерархия грамматических категорий и типологическая характеристика языка // Типология грамматических категорий. М., 1975.
25. Солнцева Н.В., Солнцев В.М. Анализ и анализизм // Аналитические конструкции в языках различных типов. М.; Л., 1965.

И.В. Новицкая

О ВОЗМОЖНОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ОСНОВООБРАЗУЮЩЕГО СУФФИКСА -EIN- В АРТИКЛЕОБРАЗНОЙ ФУНКЦИИ В ГОТСКОМ ЯЗЫКЕ

Томский государственный университет

Известно, что понятийная категория определенности/неопределенности (О/НО) относится к числу универсальных лингвистических категорий. Однако выражение значения О/НО варьируется от языка к языку. В одних языках категория О/НО грамматикализовалась, т.е. в языке появились формальные обязательные средства ее выражения, а в других – нет. Кроме того, наблюдается и известное разнообразие формальных средств выражения О/НО в языках мира, которое на материале индоевропейских (и.-е.) языков можно свести к оппозиции препозитивные – постпозитивные средства. В языках с грамматикализованной категорией О/НО данное значение выражается либо посредством специальных морфологических показателей (суффиксов), либо посредством лексико-грамматического класса служебных слов (артиклей). Далее рассмотрим в сравнительном плане выражение категории О/НО в древнегерманских языках и исследуем возможность использования основообразующего суффикса -ein- в готском языке в функции, близкой к функции определенного артикля.

В современных германских языках категория О/НО формализована и представляет собой двух- и трехграммемную оппозицию. Во всех современных германских языках имеются неопределенный, определенный и «нулевой» артикли, а в исландском – определенный и «нулевой» [1, с. 272].

Неопределенный артикль всегда находится в позиции (например англ. **a** dog «собака»), как и определенный артикль в западно-германских языках (например нем. **der** Hund, фриз. **de** hyn «собака»).

В скандинавских языках определенный артикль используется в двух вариантах: препозитивном (свободностоящем) и постпозитивном (суффиксированном). В некоторых языках возможно комбинированное употребление препозитивного и постпозитивного определенного артикля, например:

дат., швед., норв. **hunden** «собака»;
дат. **den** gamle hund «старая собака»;
норв. **den** gamle hund, **den** gamle hunden;
швед. **den** gamla hunden;
исл. gamli hundurinn, книж. **hinn** gamli hundurinn;
фар. **tann** gamli hundurinn [1, с. 272].

В древних германских языках категория О/НО имени не была грамматикализована, и ее становление осуществлялось параллельно в период после распада германской языковой общности [2, с. 325; 3, с. 77; 4, с. 31].

Справедливо заметить, что становление рассматриваемой категории в древних германских языках характеризовалось как общегерманскими чертами, так и спецификой каждого отдельного языка. Инвариантным для всех германских языков был период формирования категории О/НО, относящийся еще к дописьменному периоду истории каждого языка, а также первоначальный охват определенным артиклем ограниченной лексико-семантической группы конкретных имен. Позже определенный артикль стал употребляться и с другими классами существительных.

Кроме того, процесс становления категории О/НО в древнегерманских языках характеризовался одно-

временным существованием двух тенденций, а именно использованием препозитивного и постпозитивного артиклей [3, с. 78]. Например, в др.-исл. определенный артикль был и отдельным словом, и частью слова, причем суффицированный артикль возник также в дописьменное время и был широко представлен в др.-исл. прозаических памятниках [5, с. 93]. Ср. др.-исл. **hinn** þjasta dag «на следующий день», **it** þjasta sumar «следующее лето», **armrinn** «рука», **skogin** «волосы», **landit** «страна».

Из истории древнегерманских языков известно, что в западно-германских и восточно-скандинавских языках (норв., швед., дат.) определенный артикль произошел от германского указательного местоимения *sa-|юа-*, в основе которого лежали местоименные и.-е. основы **so-/sv* и **te-/to*, после их объединения в и.-е. эпоху [2, с. 318]. Считается, что данные и.-е. местоименные основы имели слабое общеуказательное значение, которое послужило основой для их использования в качестве анафорических местоимений с последующим развитием в определенный артикль в германских языках [2, с. 318]. Во всех древнегерманских языках возможно употребление этого местоимения и в собственно указательной функции.

В древнеисландском языке препозитивный определенный артикль был образован из указательного местоимения *hinn* «тот» (в им. п. и вин. п. ед. ч. ср. р. оно имело форму *hitt*, а как артикль – форму *hit*). Рассматриваемое др.-исл. указательное местоимение *hinn* представляло собой сочетание и.-е. местоименной основы **ki-/kio-/ko-* с близким значением и основы **eno-/ono-* с дальним значением (т.е. др.-исл. *hinn* это **ki + *(e)nos > *hinR > hinn*) [2, с. 324]. Что касается постпозитивного определенного артикля в древнеисландском, то считается, что он представляет либо ослабленный вариант артикля *hinn*, либо чистую и.-е. местоименную основу **eno-/ono-* [2, с. 325; 6, с. 356].

Местоименная и.-е. основа **eno-/ono-* достаточно широко представлена в древних языках: др.-инд. *apb-*, лит. *apas-* (*at(a)s*), ст.-слав. *ОНЪ* «он, тот», греч. *чей-нпт*, *чей-енпт* «тот», арм. *ауп-* «тот» [2, с. 324; 7, с. 333]. В этой связи интересно установить этимологические связи готского основообразующего суффикса *-ein-*, который выступает как вторичное образование от местоименной основы **n-* с частицей *-ei-*. Считается возможным связать согласный элемент *-n-* с и.-е. указательным местоимением с основами на **eno-* (*епв-*, *опо-*, *опв-*), представленными в арийск. *apa* «этот, он»; авест. *apa-*; вост.-лит. диал. *apb* «тот, он»; хет. *apilь*, арм. *ауп* «тот», дивн *ēper* «тот», др.-инд. *apa-* «этот» [8, с. 769; 9, с. 401; 10, с. 20]. Частица *-ei-* по одной версии восходит к основе и.-е. относительного местоимения **jo-*, др.-инд. *уб-* «какой» [11, с. 36], а по другой – к и.-е. местоименной основе **o-*, **e-* в форме локатива ед. ч. ср. р., как, например, в болг.

i-•e «который» (относит. мест.), *je-* дьпъ «кто-то», греч. *Э-чь* «там» [9, с. 401; 12, с. 27]. В готском языке *-ei-* также употребляется в функции относительной частицы, которая присоединяется к указательному местоимению, например *saei* «этот, который», *soei* «эта, которая», *юaei* «это, которое», или к личным местоимениям *ikei* «я, который», *juzei* «вы, которые» [13, с. 112]. Отмечается и особая роль частицы в готском словообразовании: она формирует не только союзы, но и все относительные местоимения, выступая как своеобразный показатель наличия подчинительной связи [13, с. 233]. Интересен и тот факт, что притяжательные прилагательные/местоимения в готском и общеславянском образовывались от личных местоимений при помощи суффиксов, восходящих к и.-е. **-jo-*, слав. **-je-*, готск. *-ein-*, например слав. *моjь*, *твоjь*, готск. *meins*, *юeins* [14, с. 354].

Тот факт, что постпозитивный определенный артикль считается инновацией скандинавских языков [4, с. 32], позволяет предположить, что в готском языке можно обнаружить похожую тенденцию. Прежде всего обращает на себя внимание то обстоятельство, что в готском языке имеется большое количество пар однокоренных абстрактных существительных, относящихся к разным склонениям. Больше всего таких пар среди существительных с абстрактным значением, относящихся к склонениям на *-ein* и *-фж. р.*, причем абстрактные слова *ф-основ* оформлены суффиксом *-юа-/ida* (см. табл.).

Согласно данным некоторых исследователей, сходная ситуация наблюдается и в других древнегерманских языках, например древневерхненемецком [9, с. 340–351; 15, с. 65.]. В новейших исследованиях лексики древнегерманских языков высказывается предположение, что подобная дифференциация существительных по типам склонения объяснялась различиями в семантике данных имен, что маркировалось соответствующими основообразующими суффиксами [16–18]. Так, семантический анализ абстрактных имен *ф(n)-основ* и *ф-основ* в древневерхненемецком показал, что функциональные различия имен *ф(n)-основ* и *ф-основ* обусловлены семантической оппозицией типов признаков, обозначаемых данными существительными: *ф(n)-основы* обозначают признак постоянный, в то время как *ф-основы* – признак единичный. Более того, по материалам исследования Н. Пименова приходит к заключению о том, что *ф-основы* представляют признак без носителя, т.е. признак «сам по себе» [16–18].

Как показывают наши собственные исследования, предположение об артиклеобразной функции основообразующего суффикса *-ein-* в готском языке только поддерживает точку зрения Н. Пименовой.

Известно, что в древнегерманских языках существовало противопоставление признака стойкого, мыслимого говорящим как «постоянный» признак предмета, признакам переменным, изменчивым, вре-

Ein-основы ж. р.	Ja-основы ср. р.
Aglaitēi «разврат, распутство»	Aglaiti «разврат, распутство»
Barniskei «детскость»	Barniski «детство»
Frodei «ум, рассудок»	Frauk «ум, рассудок»
Ga-riudei «стыдливость, застенчивость»	Ga-riudi «почтенность, благопристойность»
Lausa-waurdei «пустая болтовня»	Lausa-waurdi «пустая болтовня»
Frumadei «первенство»	Frumisti «начало»
	Ō-основы ж. р.
Airzei «ошибка, обман»	Airziŋa «обольщение, соблазн»
Arma-hairtei «жалость»	Arma-hairtiŋa «милосердие, милостыня»
Daubei «упрямство, глухота»	Daubiŋa «глухота»
Diupei «глубина»	Diupiŋa «глубина»
Ga-aggwei «ограничение»	Aggwiŋa «бедственное положение»
Gaurei «печаль»	Gauriŋa «печаль»
Hauhei «высота»	Hauhiŋa «высота»
Hlutrei «чистота, искренность»	Hlutriŋa «чистота, ясность»
Kaurei «тяжесть, тяготение»	Kauriŋa «серьезность, тяжесть»
Sleikei «опасность»	Sleiŋa «ущерб, повреждение»
Un-hrainei «нечистоты, грязь»	Un-hrainiŋa «нечистоты, грязь»
Un-swerei «бесчестие»	Un-sweriŋa «стыд, позор»
Wrekei «преследование, гонения»	Wraka, wraŋka «преследование, гонения»
	I-основы ж. р.
Bairhtei «свет, ясность»	Ga-bairhteins «явление»
Bleikei «жалость, сострадание»	Bleikeins «жалость, сострадание»
Hrainei «чистота»	Hraineins «очищение»
Mikilei «величие, слава»	Mikilduŋ «величие»
Siukei «болезнь»	Sauhts «болезнь»
Us-beisnei «терпение»	Us-beisns «терпение»
Waila-mereī «хороший призыв»	Waila-mereins «послание, обращение»
	2 однокорневых слова
Ga-raihteī «справедливость»	Ga-raihtīŋa (ж. р. ō-основа) «справедливость»
	Ga-raihtēins (ж. р. i-основа) «улучшение, выздоровление»
Swiknei «чистота»	Swikniŋa (ж. р. ō-основа) «чистота»
	Swikneins (ж. р. i-основа) «очищение»
Weitwodeī «свидетельство»	Weitwodiŋa (ж. р. ō-основа) «свидетельство»
	Weitwodeins (ж. р. i-основа) «свидетельство»
Ōп-основы ж. р.	
Aglo «нужда, бедствие»	Agliŋa (ж. р. ō-основа) «печаль, бедность»
Lubo «любовь»	Lubains (ж. р. i-основа) «надежда»
Jōп-основы ж. р.	
Ga-timrjo «здание, жилище»	Ga-timreins (ж. р. i-основа) «назидание, созидание»
Wōп-основы ж. р.	
?Bandwo «знак»	?Bandwa (ж. р. ō-основа) «знак»

менным. Типичный признак предмета в древнегерманских языках обозначался именной формой на -n, что в дальнейшем привело к развитию чисто грамматической формы слабого склонения прилагательного, которая употреблялась с определенным артиклем [5, с. 206; 19, с. 230–231]. Формы на -n, обозначающие постоянный признак, представляли его как опре-

деленную субстанцию, которая важна сама по себе, поэтому нередко такие формы закреплялись как существительные, например готск. *blinda* «слепой».

Подобное функционирование форм на -n может быть объяснено семантикой самого суффикса, в которой проявляется четко выраженное значение принадлежности (отношения) [20, с. 53]. Поскольку в

основе значения определенности всегда лежит значение принадлежности, то не удивительно, что в германских языках показатель -n- «явно указывал на конкретный предмет» [21, с. 17].

Анализ употребления однокоренных абстрактных существительных из разных типов склонения показал, что эти пары могли участвовать в оппозиции по признаку О/НО. При этом значение О/НО абстрактного имени выявлялось как из отдельного стиха, так и из более широкого контекста.

В обобщенном виде результаты анализа употребления данных пар могут быть представлены в виде следующих групп:

а) основообразующий суффикс -ein- действительно использовался для маркировки контекстуально-определенных существительных, а основообразующий формант на гласный оформлял имена неопределенные.

Gaurei «печаль» (ein-основа): «jah auk siuks was nehva dauyou, akei guo ina gaarmaida; аююан ni юатаinei ina, ak jah mik, ei gaurein ana gaurein ni habau» (Ph 2,27) – «Ибо был он болен, при смерти, но Бог его помиловал и не только его, но и меня, чтобы печаль к печали не прибавилась»; ср. с gauriyou «печаль» (ф-основа) «akei unte юата rodida izwis, gauriyou gadaubida izwar hairto» (J 16,6) – «Но от того, что я сказал вам это, печалью наполнилось сердце ваше»;

б) показатель -ein- предпочтительно использовался для оформления определенных имен, сочетающихся с постпозитивным существительным, чаще всего стоящим в форме род. п., или притяжательным местоимением. Интересно, что атрибутивные конструкции подобного рода в современном русском языке входят в семантическое поле посессивности при условии, что в них не утрачено значение «опредмеченности» обладаемого свойства, качества [22].

Hlutrei «искренность» (ein-основа): «unte hvofutli unsara so ist weitwodei miuowisseins unsaraizos, юатеi in ainfalkoein jah hlutrein gudis, ni in handugein leikeinai, ak in anstai gudis usmetum in юamma fairhvau, юu ufarassau at izwis» (K 1,12) – «ибо похвала ваша сия есть свидетельство совести нашей, что мы в простоте и искренности Божьей, не по мудрости плотской, но по благо-

дати Божьей жили в мире, в особенности у вас»; ср. с hlutrioua «искренность» (ф-основа): «unte ni sium swe sumai maidjandans waurd gudis, ak us hlutriouai, ak swaswe us guda in andwairiyoua gudis in Xristau rodjam» (K 2,17) – «ибо не повреждаем мы, как некоторые, слова Божии, но в искренности, но также от Бога, перед Богом, во Христе проповедуем»;

в) существительное, имеющее парадигму ein-основ, не всегда выражало определенность, как и имя гласного типа склонения.

Sleiuoei «опасность» (ein-основа): «hvas uns afskaidai af friayowai Xristaus? Aglo? Юau aggwioa? Юau wrakja? Юau huhrus? Юau naqadei? Юau sleiuoei? Юau hairus?» (R 8,35) – «Кто нас отлучит от любви Божьей? Скорбь? Или теснота? Или гонения? Или голод? Или нагота? Или опасность? Или меч?»; ср. с sleiyou «тщетность» (ф-основа): «аююан sweюauh all domja sleiyou wisan in ufarassaus kunyojis Xristaus Iesuis fraujuis meinis, in юizei allamma gasleiuoios im jah domja smarnos wisan allata, ei Xristau du gawaurkja habau» (Ph 3,8) – «Да и все почитаю тщетностью ради превосходства познания Христа Иисуса, Господа моего, для него я от всего отказался и все почитаю за сор, чтобы приобрести Христа»;

г) имя гласного типа склонения выражало определенность, а ein-основа – нет. При этом определенность имени гласного типа склонения нередко выражалась за счет дополнительных средств, например указательного местоимения.

Armahairtiyou «милостыня» (ф-основа): «ei sijai so armahairtiyou юeina in fulhsnja, jah atta юeins saei saihviu in fulhsnja, usgibiю юus in bairhtein» (M 6,4) – «и чтобы милостыня твоя была втайне, и отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно».

В целом можно сказать, что абстрактные существительные в готском языке относятся к малоупотребительному слою лексики, и некоторые слова засвидетельствованы в тексте Библии один-два раза. Тем не менее проанализированный материал позволяет говорить о том, что возможность употребления основообразующего суффикса -ein- в артиклеобразной функции в готском языке полностью исключать нельзя.

Литература

1. Берков В.П. Современные германские языки. М., 2001.
2. Сравнительная грамматика германских языков / Отв. ред. М.М. Гухман и др. Т. 3. М., 1963.
3. Гухман М.М. Историческая типология и проблема диахронических констант. М., 1981.
4. Топорова Т.В. Германские языки // Языки мира (германские языки, кельтские языки). М., 2000.
5. Стеблин-Каменский М.И. История скандинавских языков. М.; Л., 1953.
6. Молошная Т.Н. Система артиклей в славянских и скандинавских языках. Сопоставительно-типологический аспект // Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неязыковым окружением. М., 2002.
7. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л., 1938.
8. Brugmann K. Grundriss der Vergleichenden Grammatik der Indogermanischen Sprachen. Bd. 2. 14. Strassburg, 1892.
9. Brugmann K. Kurze Vergleichende Grammatik der Indogermanischen Sprachen. Berlin; Leipzig, 1922.
10. Иванов Вяч.Вс. Сравнительно-исторический анализ категории определенности-неопределенности в славянских, балтийских и древнебалканских языках в свете индоевропеистики и ностратики // Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках. М., 1979.

11. Uhlenbeck C.C. Kurzgefasstes Etymologisches Wörterbuch der Gotischen Sprache. Amsterdam, 1896.
12. Feist S. Etymologisches Wörterbuch der Gotischen Sprache. Halle, 1920.
13. Гухман М.М. Готский язык. М., 1958.
14. Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951.
15. Kluge F. Nominale Stammbildungslehre der Altgermanischen Dialekte. 3 Aufl. Halle, 1926.
16. Пименова Н.Б. Семантическая роль фоснов в древнегерманском именном словообразовании // Вестн. Моск. ун-та. 1998. № 1. Сер. 9. Филология.
17. Pimenova N. Zur semantischen Leistung der nominalen Suffixe -o(n)-, -ф in Althochdeutschen und im Gemeingermanischen // Sprachwissenschaft. Bd. 25. Hf. 3. Heidelberg, 2000.
18. Pimenova N.B. Die Funktional-Semantische Verteilung der Eigenschaftsnomina auf -o(n)- und -ida- im Althochdeutschen und die Subjekt-objekt Relation // Zeitschrift für Deutsche Philologie. 2002. Bd. 121. Hf. 1.
19. Жирмунский В.М. Происхождение категории прилагательных в индоевропейских языках в сравнительно-грамматическом освещении // Общее и германское языкознание. Л., 1976.
20. Одри Ж. Индоевропейский язык // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988.
21. Леман В.П. Новое в индоевропейских исследованиях // Вопр. языкознания. 1991. № 4; 1991. № 5.
22. Чинчлей К.Г. Поле посессивности и посессивные ситуации // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб., 1996.

А.П. Овчинникова

К ВОПРОСУ О МЕТАФОРИЧЕСКОМ УПОТРЕБЛЕНИИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО FRESH

Томский государственный педагогический университет

В настоящее время исследователи все большее внимание уделяют когнитивному подходу к языку. Как отмечает А.А. Кибрик, «когнитивный подход к языку – убеждение, что языковая форма в конечном счете является отражением когнитивных структур человеческого сознания, мышления и познания...» [1, с. 126]. Сам термин «когнитивный» означает «ментальный», «относящийся к постижению мира умом человека». В рамках данного подхода получила свое развитие когнитивная лингвистика. «Когнитивная лингвистика – это направление, в рамках которого язык рассматривается как общий когнитивный механизм. В отличие от всех других когнитивных дисциплин, в когнитивной лингвистике исследуются только те когнитивные структуры и процессы, которые свойственны человеку как homo loquens. Когнитивная лингвистика должна заниматься системным описанием и объяснением механизмов человеческого усвоения языка, изучать принципы структурирования этих механизмов» [2, с. 21].

«Концепт», «концептуализация» являются основными понятиями когнитивной лингвистики. Концепты появляются в результате когнитивной деятельности человека. Они являются «знанием, структурированным во фрейм, а это значит, что он отражает не просто существенные признаки объекта, а все те, которые в данном языковом коллективе заполняются знанием о сущности» [3, с. 96]. Концепт – это вся совокупность знаний о свойствах денотата. Материальной базой концепта, его выразителем является слово [3, с. 100]. Он культурно-специфичен, обладает набором определенных признаков, которые отличают его от других концептов. В семантическом пространстве каждого языка наборы концептов и их структурная организация своеобразны и неповтори-

мы. Что является важным для одного этноса, оказывается не существенным для другого. Это ведет к образованию разных наборов концептов в концептосфере разных языков. Даже при наличии тождественных контекстов у разных народов в семантическом пространстве их языков эти концепты могут быть по-разному структурированы, объединены по разным признакам.

Концептуализация – это осмысление поступающей информации, мысленное конструирование предметов и явлений, которое приводит к образованию определенных представлений о мире в виде концептов (т.е. фиксированных в сознании человека смыслов), например концептов дома, времени, пространства, вечности, движения и т.д. [2, с. 22]. Таким образом, смысл концептуализации состоит в том, чтобы проследить путь познания смысла концепта и зафиксировать результат в языке, а основным объектом является сам концепт.

Одна из форм концептуализации – когнитивная или концептуальная метафора.

Как правило, метафора рассматривается как видение одного объекта через другой. Для большинства людей метафора – это поэтическое средство выражения, не принадлежащее к сфере повседневного бытового общения. Более того, метафора обычно рассматривается как одно из проявлений естественного языка – то, что относится к сфере слов, но не к сфере мышления или действия. Однако «метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении и действии. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по самой своей сути» [4, с. 3].